

Сказки братьев Гримм. Молодой великан

У одного крестьянина был сын, ростом с мизинчик. Он нисколько не рос и за много лет ни на волосок не вырос. Задумал однажды крестьянин в поле выехать пахать, а малютка-сын и говорит ему: «Батюшка, я хочу с тобою в поле». – «В поле? – сказал отец. – Нет, уж лучше дома оставайся; ты там ни на что не пригоден; того и гляди, еще потеряешься».

Тут начал малютка плакать, и, чтобы унять его плач, отец сунул его в карман и захватил с собою.

Выехав в поле, отец вынул его из кармана и посадил в свежевзрытую борозду.

В это время из-за горы вышла громадная великанша. «Видишь ли ты эту громадину? – спросил отец сына, и, желая на всякий случай припугнуть ребенка, добавил: – Вот она придет, да и возьмет тебя».

А великанша лишь переступила два шага, уж и очутилась рядом с бороздою.

Осторожно подняла великанша малютку двумя пальцами из борозды, внимательно его осмотрела и, ни слова не сказавши отцу, унесла его с собою.

Отец был при этом, но от страха не мог произнести ни звука; он счел своего сына погибшим и навек для себя утраченным.

Великанша унесла малютку домой и стала кормить его своею грудью; и вот малютка стал расти и крепнуть, как все великаны. По истечении двух лет великанша пошла со своим воспитанником в лес, желая испытать его силу, и сказала ему: «Вытащи-ка себе из земли дубинку».

Мальчик оказался уже настолько крепким, что вырвал молодое деревце из земли с корнями.

Но великанша подумала, что это надо лучше делать, вернула его домой и еще два года кормила грудью.

При вторичном испытании силы мальчика возросли уже настолько, что он мог вытащить из земли старое дерево.

И это показалось великанше еще недостаточным, и она кормила его еще два года грудью.

Через два года великанша вместе с повзрослевшим мальчиком пришла в лес и сказала: «Ну-ка, вырви теперь себе порядочную дубину».

Тот шутя вырвал толстейший дуб из земли, так что треск кругом пошел. «Ну, теперь довольно с тебя, – сказала великанша, – теперь ты выучился!»

И повела его обратно на то поле, с которого его унесла. Отец юноши стоял на том поле за плугом.

Молодой великан подошел к нему и сказал: «Видишь, отец, каким твой сын молодцом стал?»

Крестьянин перепугался и стал отнекиваться: «Нет, ты мне не сын, не надо мне тебя – ступай себе». – «Ну, конечно же, я твой сын; пусти меня поработать, ведь я могу пахать так же, как ты, и даже, пожалуй, еще лучше тебя». – «Да нет же, нет, ты мне не сын, и пахать ты тоже не можешь, пойдя ты от меня».

А между тем, испугавшись этого великана, он бросил плуг, отошел от него и присел в сторонке.

Тогда юноша принялся за плуг и надавил на него одною рукою, но напор был так силен, что плуг глубоко ушел в землю.

Крестьянин не мог на такую работу смотреть хладнокровно и крикнул ему: «Коли хочешь пахать, не напирай так сильно, не то испортишь все дело».

Юноша же, чтобы исправить свой промах, отпряг лошадей, сам впрягся в плуг и сказал: «Ступай себе домой, батюшка, да

прикажи матушке приготовить какой-нибудь еды побольше, а я тем временем вспашу все поле».

Пошел отец домой и заказал жене приготовить сыну поесть. А юноша вспахал на себе все поле в две десятины величиною, а затем впрягся в две бороны и взборонил все поле.

Окончив эту работу, он пошел в лес, вырвал два дуба с корнями, положил их на плечи, да привесил на них спереди и сзади по бороне и по лошади, и понес все это, словно охапку соломы, к родительскому дому.

Когда он пришел во двор, мать не узнала его и спросила: «Кто этот страшный, громадный человек?» Муж сказал ей: «Да это сын наш». – «Нет, уж никак не сын – такого большого у нас не было; наш был маленький». И давай кричать сыну: «Ступай прочь, нам тебя не надобно».

Юноша на это ничего не сказал, поставил лошадей в стойло, задал им овса и сена. Все справив, вошел он в дом, присел на скамейку и сказал: «Матушка, мне бы теперь поесть хотелось – скоро ли будет у тебя готово?» Она сказала: «Сейчас!» – и внесла два большущих блюда – ими она с мужем дней восемь подряд были бы сытехоньки!

А юноша очистил их один, да еще спросил у матери, нет ли у ней еще чего-нибудь в запасе. «Нет, – отвечала мать, – тут все, что у нас есть». – «Да это меня только разлакомило, мне этого мало». Не решилась мать ему противоречить, поставила на огонь полнешенек котел свинины и, когда свинина сварилась, внесла котел в комнату. «Наконец-то перепадает мне и еще пара крошечек!» – сказал юноша, и весь котел опорожнил один; но и этого оказалось недостаточно.

Вот и сказал он: «Батюшка, вижу я, что тебе меня не прокормить; сделай ты мне железный посошок настолько крепкий, чтобы я его о колено переломить не мог, так я и пойду по белу свету счастья искать».

Отец был этому очень рад, запряг пару коней в повозку и привез от кузнеца железную палицу такой длины и толщины, какую могли свезти его кони. Юноша упер в палицу колено и – рраз! – сломал ее, как прутик, надвое и отбросил в сторону. Впряг отец две пары коней в повозку и привез на них палицу еще длиннее и

толще первой. Сын и эту переломил о колено, отбросил и сказал: «Батюшка, эта мне не годится; запрягай коней побольше, привези мне палицу потолще».

Впряг отец четыре пары коней в повозку и привез такую большую и толстую палицу, какую четыре пары лошадей на себе свезти могли. Взял ее сын в руки, тотчас отломил от нее сверху кусок и сказал: «Вижу, батюшка, что ты не можешь мне добыть такого посоха, какой мне нужен».

Пошел он путем-дорогою и, стал всюду выдавать себя за кузнеца. Вот пришел он в деревню, где жил один кузнец; он был большой скряга, никому ничего не любил давать и все старался захватить в свои руки.

К нему-то и пришел наш молодец в кузницу и спросил, не нужен ли ему подмастерье. «Нужен», – сказал кузнец и, взглянув на него, подумал: «Здоровый детина – хорошим молотобойцем будет, не даром будет хлеб есть!» Потом спросил: «Сколько же ты хочешь получать жалованья?» – «Никакого мне жалованья не нужно, – отвечал тот, – а только каждые две недели я тебе буду давать два тумака, и ты их должен выдержать». Скряга был этим очень доволен. На другое утро пришлому кузнецу надо было впервые ковать; но когда хозяин вытащил из печки раскаленный брус железа, то молодец так ударил молотом, что и железо разлетелось вдребезги, и наковальня ушла в землю. Тут скряга озлился и сказал: «Э-э, брат, ты мне не гож! Ты бьешь слишком грубо! Говори скорее, сколько тебе за этот один удар следует?» Молодец отвечал ему: «А вот сколько: дам я тебе самый легонький пинок, и больше ничего!» И дал легонько пинка ногою, так что скряга от того пинка через четыре стога сена перелетел. Затем он выискал себе в кузнице самый толстый железный брус и пошел далее.

Пройдя сколько-то, наш молодец пришел к фольварку и спросил у управляющего, не нужен ли ему старший рабочий. «Да, – отвечал управляющий, – мне старший рабочий может пригодиться, а ты смотришься здоровенным детиной, так сколько же ты хочешь в год жалованья?» Молодец и этому отвечал, что не требует никакой платы, а только желает дать ему три тумака, и он те тумак должен выдержать. Управляющий был очень доволен таким

условием, потому что и он тоже был скряга.

На следующее утро рабочие должны были ехать в лес за дровами, и все уже встали, а наш молодец еще лежал на кровати. Тут и крикнул ему один из рабочих: «Вставай скорее, пора в лес ехать, и тебе надо ехать с нами». – «Ах, ступайте вы! – отвечал он им грубо и насмешливо. – Я все же раньше всех вас поспею».

Тогда рабочие пошли к управляющему и сказали, что старший еще не встал и не хочет с ними в лес ехать. Управляющий послал их еще раз его будить и приказать ему, чтобы он впрягал лошадей. Но тот отвечал то же, что и прежде: «Ступайте вперед! Я все же прежде всех вас поспею».

Затем он пролежал еще два часа в постели; наконец поднялся с перины, но сначала принес с чердака два мешка гороха, сварил себе кашу и преспокойно ее съел, и только тогда уж запряг коней и поехал в лес.

Невдалеке от леса дорога шла оврагом; он по этому оврагу проехал, а затем завалил дорогу деревьями и хворостом так, что никакой конь не мог по ней пробраться. Прибыв к лесу, он увидел, что остальные рабочие выезжают из леса с нагруженными возами и направляются домой; он и сказал им: «Поезжайте, поезжайте! Все же раньше меня не будете дома». Сам он далеко в лес не поехал, а вырвал с корнями два самых больших дерева, бросил их на телегу и повернул назад.

Когда он подъехал к завалу, остальные рабочие все еще стояли там со своими возами и не могли пробраться. «Вот видите, – сказал он, – кабы вы со мною остались, то вместе со мною могли бы и домой вернуться да еще лишний час поспать». Так как и его лошади не могли через завал пробраться, то он их отпряг, положил и их на воз, сам взял дышло в руку, и разом перетащил воз через завал, словно воз перьями был нагружен. Перетащив свой воз, он обернулся и сказал другим рабочим: «Вот видите, я скорее вас пробрался! ».

Приехав во двор фольварка, он взял одно из деревьев в руку, показал его управляющему и сказал: «Тут в одном дереве добрая сажень будет». Управляющий поглядел и сказал своей жене: «Хорош этот детина! Хоть и дольше других спит, а раньше всех

домой возвращается».

Так служил он у управляющего целый год; когда дошло до уплаты жалованья рабочим, то и наш молодец тоже сказал, что ему хотелось бы получить условленное вознаграждение. Управляющий же испугался не на шутку тех тумачков, которые ему предстояло получить, и стал его усердно просить, чтобы он ему те тумачки не давал, а за то он уступал ему свое место управляющего, а сам поступал к нему в рабочие.

«Нет, – сказал тот, – не хочу я быть управляющим; я – старший рабочий и хочу рабочим остаться, да желаю, чтобы и условие мое соблюдено было в точности». Управляющий откупался от него, чем тот пожелает, но все было напрасно, и молодец на все отвечал отказом. Тогда управляющий растерялся и просил дать ему двухнедельный срок на размышление. Молодец на это согласился. Вот собрал управляющий всех своих дельцов, чтобы они обдумали, как тут быть, и чтобы дали ему добрый совет. Дельцы долго раздумывали и наконец решили, что от этого детины всем грозит опасность и что ему человека убить – то же, что муху задавить. Они посоветовали, чтобы управляющий велел ему очистить колодец, а когда он туда влезет, они бросят в колодец жернов; тогда уж он верно живой оттуда не вылезет. Понравился этот совет управляющему, и наш молодец согласился в колодец лезть. Когда он опустился на дно колодца, они скатили в колодец самый большой из жерновов, находившихся вблизи, и думали, что уж наверно у молодца голова окажется размозженной; но тот крикнул: «Отгоните кур прочь от колодца, а то они роются там наверху в песке, все глаза мне залепили». Управляющий и прикинулся, будто кур от колодца отгоняет, а молодец, покончив работу, вылез оттуда с жерновом на шее и сказал: «Посмотрите-ка, не правда ли, славное у меня ожерелье?» Тут опять-таки захотел он получить свое вознаграждение; но управляющий опять стал просить о двухнедельной отсрочке.

Снова собрались к нему дельцы и посоветовали, чтобы он отправил молодца на заколдованную мельницу: пусть ночью зерно смелет – оттуда-то еще ни один человек жив поутру не возвращался. Предложение понравилось управляющему; он позвал молодца в тот же вечер и велел ему свезти на мельницу восемь

четвертей ржи, да в ночь и смолоть их.

Пошел молодец в амбар, засунул две четверти в правый карман да две же – в левый, а четыре четверти в перекидном мешке взвалил себе на грудь и на плечи и с этим грузом потащился на заколдованную мельницу.

Мельник сказал ему, что днем он может молоть, а ночью мельница заколдована, и всех, кто туда входил, утром находили мертвыми. Молодец отвечал ему: «Ну, уж я как-нибудь улажусь; ступайте отсюда да ложитесь спать». Затем он пошел на мельницу, засыпал зерно и стал его молоть. Часов около одиннадцати вечера он вошел в комнату мельника.

Вдруг открылись двери настежь, и в комнату вкатился большущий стол, а на том столе сами собою поставились вина и всякие вкусные блюда, и никого кругом не было видно, кто бы те блюда на стол подавал. А потом и стулья сами собою придвинулись к столу, хотя людей и не было, и только уже после разглядел он там чьи-то руки, которые распорядились ножами и вилками и раскладывали кушанье.

Молодец был голоден, увидел кушанья, тоже уселся за стол, принялся за еду и наелся всласть. Когда он насытился, да и другие тоже очистили блюда свои, он явственно услышал, как кто-то задул все свечи; в комнате стало темно, и вдруг он ощутил на щеке своей нечто вроде оплеухи. «Ну, если еще что-нибудь подобное повторится, – крикнул он, – тогда ведь и я в долгу не останусь!» Получив вторую оплеуху, он и сам стал раздавать их направо и налево. И так продолжалось всю ночь; он ничего не спускал своим невидимым противникам и щедро воздавал им за то, что от них получал. На рассвете все прекратилось разом.

Когда мельник поднялся с постели, то пошел взглянуть на молодца и очень удивился тому, что молодец еще жив. А тот и говорит: «Я досыта наелся, много оплеух получил, да немало и сам их роздал». Мельник был очень обрадован этим, сказал, что теперь, верно, мельница от всякого колдовства освободится, и охотно предлагал ему большую денежную награду. Но тот отвечал: «Денег мне не надо, у меня всего вдоволь». Потом взвалил муку на спину, отправился домой и сказал управляющему, что вот он

все исполнил по его приказу, а теперь желал бы получить условленную плату. Когда управляющий это услышал, тогда-то его настоящий страх обуял: он не мог успокоиться, стал ходить взад и вперед по комнате, и пот крупными каплями катился у него со лба. Чтобы немножко освежиться, он открыл окно, но прежде чем успел остеречься, наш молодец дал ему такого пинка, что он через окно вылетел на воздух, взвился вверх и из глаз совсем скрылся.

Тогда молодец обратился к жене управляющего и сказал: «Коли он не вернется, так следующий тумак тебе останется». Та воскликнула: «Нет, нет, я этого не выдержу!» – и тоже открыла было другое окно, потому что и у ней тоже холодный пот проступал от страха на лбу. Тогда он и ей дал пинка, и она тоже от того пинка через окошко вверх взлетела, и еще выше своего мужа, потому что была легче его.

Муж-то кричит ей на лету: «Спускайся ко мне», – а она ему: «Нет, ты поднимайся ко мне, я к тебе не могу спуститься». Так они и носились по воздуху, и ни один к другому приблизиться не мог, да, пожалуй, и теперь все еще носятся...

А наш молодец взял свою железную палицу и пошел себе домой.

Загрузка...

Сказки братьев Гримм.
Гусятница

Давно уж это было: жила-была на свете старая королева, у которой муж уже умер и осталась одна дочка-красавица. Когда та выросла, то была помолвлена с одним королевичем на чужбине.

Настало время вступить им в супружество; королевна должна была отправиться в иноземное государство, и ее мать-королева дала ей в приданое очень много ценной утвари и украшений, серебра и золота, кубков и всякой казны – одним словом, все, что принадлежало к ее приданому, потому что она очень любила свою дочку.

Кроме всего этого старая королева отдала своей дочери и такую служанку в провожатые, которая должна была с нею вместе ехать и передать ее в руки жениха; каждой из них – и невесте, и камеристке – королева дала по коню.

Конь королевны звался Фалада и умел говорить.

Когда настал час разлуки, мать-королева пошла в свою опочивальню, взяла ножичек и порезала им пальцы, так что кровь из них закапала; на пальцы она наложила тряпочку, накапала на нее три капли крови, отдала дочке и сказала: «Милое дитяtko, побереги эти капли моей крови; они тебе в дороге пригодятся». Так и распрощались они со слезами; тряпочку королевна спрятала к себе за пазуху, села на коня и пустилась в путь к своему жениху.

После часового переезда королевне очень захотелось пить, и она сказала своей камеристке: «Сойди с коня и зачерпни мне воды из ручья в тот кубок, который ты для меня захватила, мне очень

пить хочется». – «Коли вам пить хочется, – отвечала камеристка, – так вы можете сами сойти с коня, приклониться к воде и пить, а я вам служанкой не намерена быть».

Королевну так мучила жажда, что она сошла с коня, приклонилась к воде ручья и стала пить, и не смела золотым кубком воды зачерпнуть.

Невольно вырвалось у нее восклицание: «Ах, Боже мой!» – а три капельки крови отвечали ей: «Кабы знала это твоя матушка, у ней сердце в груди разорвалось бы!»

Но королевна только запечалилась, не сказала ни слова и снова села на коня.

Так проехали они еще много верст; а день был жаркий, солнце палило, и вскоре жажда стала снова мучить королевну. Проезжая мимо реки, она еще раз позвала камеристку и сказала: «Сойди с коня и дай мне напиться из моего золотого кубка». Она уж на нее сердиться и не думала.

Но камеристка отвечала ей еще горделивее: «Коли хотите пить, ступайте и пейте, а я вашей служанкой быть не намерена».

Тогда сошла королевна с коня от великой жажды, приникла к текучей воде, заплакала и сказала: «Ах, Боже мой!» – а три капельки крови ей опять отвечали: «Кабы знала твоя матушка, у ней сердце в груди разорвалось бы!»

И между тем, как она жадно пила и к воде наклонялась, выпала у нее из-за пазухи в воду тряпочка с тремя капельками крови и понесло ее водою по течению, и она того в волнении своем не заметила...

А камеристка-то это видела и радовалась тому, что она теперь получила власть над королевной: лишившись трех капелек материнской крови, та становилась совсем слабою и беспомощною.

Когда она, вернувшись от реки, хотела опять сесть на своего коня, который звался Фалада, камеристка сказала ей: «На Фаладе следует мне ехать, а тебе на моей кляче», – и королевна должна была на это согласиться.

Затем камеристка приказала ей очень грубо, чтобы она сняла с себя королевское платье и надела ее, простое, и сверх того под открытым небом должна была поклясться, что она никому при королевском дворе ни слова не скажет о том, что они платьями

обменялись; а если бы она не дала этой клятвы, то камеристка грозилась ее на месте убить. Но Фалада все это видел и все примечал.

И вот камеристка села верхом на Фаладу, а настоящая невеста на ее плохого коня, и так поехали они далее, до самых ворот королевского замка.

Там очень обрадовались их прибытию, королевич выбежал им навстречу, помог камеристке слезть с коня и вообразил себе, что она-то и предназначена ему в супруги.

Он повел ее вверх по лестнице в замок, а настоящая-то королевна должна была внизу дожидаться. Старый король тем временем смотрел из окошка во двор и заметил, какая она была тонкая, нежная и красивая; тотчас пошел он к невесте и спросил ее, что за особа с ней приехала и там во дворе осталась и кто она такова. «Я ее с собой на дороге прихватила, чтобы не одной мне ехать; дайте ей какую-нибудь работу, чтобы она не оставалась без дела».

Но у старого короля не было для нее работы, и он сказал только: «Есть у меня маленький мальчишечка, что гусей пасет, вот пусть тому помогает».

Мальчика того звали Кюрдхен, ему-то и должна была настоящая невеста помочь гусей пасти.

Вскоре после того ложная невеста стала говорить, молодому королю: «Милый мой супруг, прошу вас сделать мне маленькое одолжение». – «С удовольствием», – отвечал он. «Так вот, прикажите позвать живодера и отрубить голову тому коню, на котором я сюда ехала, потому что он мне очень досадил по пути сюда».

Так говорила она нарочно, а собственно-то говоря, опасалась того, что эта лошадь могла бы рассказать, как она обращалась в дороге с королевной.

Дошел и до настоящей королевны слух о том, что верный Фалада должен умереть, и вот она тайно обещала живодеру дать червонец, если тот ей окажет маленькую услугу.

В королевском городе были большие мрачные ворота, через которые она ввечеру и поутру должна была прогонять гусей. Вот под этими воротами она и просила живодера прибить голову

Фалады ей на память. Так и пообещал ей живодепов помощник, отрубил верному коню голову и прибил гвоздем под мрачными воротами.

Рано утром, когда она с Кюрдхеном прогоняла гусей под воротами, она сказала мимоходом:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а голова ей отвечала:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!

Так и прошли они далее за город, и пригнали гусей на пастбище. Придя на лужок, присела она на травку, распустила свою косу, а коса у ней блестела как золото, и Кюрдхен это увидел, и очень ему понравился блеск ее волос, и он захотел парочку их у королевы из косы вырвать.

Тогда она проговорила:

Дуй, подуй-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И налетел вдруг такой сильный ветер, что сдул с Кюрдхена его колпачок, погнал его вдаль, и мальчик вынужден был за тем колпачком бежать.

Пока он вернулся, королевна расчесала и прибрала свои волосы, и мальчику не досталось ни одного ее волоска. Тогда мальчик рассердился на нее и не стал с нею говорить; и так пасли они гусей до самого вечера, а затем отправились домой.

На другое утро, проходя под мрачными воротами, королевна сказала:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а Фалада отвечал ей:

А тебе, королева, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!

А придя на пастбище, села она опять на лужок и опять стала расчесывать свои волосы, и Кюрдхен стал опять за нею бегать и хотел ее ухватить за волосы; но она проговорила:

Дуй, подуи-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И налетел ветер, и сорвал с головы у мальчика его колпачок, и пришлось ему долго за ним бегать, а когда он вернулся, она уж давно прибрала свои волосы, и он ни одного волоска от нее добыть не мог; и опять они пасли своих гусей до вечера.

Под вечер, однако же, когда они гусей пригнали, Кюрдхен пошел к старому королю и сказал: «С этой девушкой я не хочу больше гусей пасти». – «А почему бы так?» – спросил король. «Да она мне целый день досаждает».

Старый король стал спрашивать его, чем она ему досаждает. На это Кюрдхен сказал: «Утром, когда мы с гусями проходим под мрачными воротами, а там лошадиная голова на стене повешена, она той голове говорит:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а голова ей отвечает:

А тебе, королева, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!»

А затем он рассказал королю, что каждое утро происходит на гусяном пастбище и как он должен по ветру гоняться за своей шляпенкой.

Старый король приказал ему на следующий день опять гнать гусей с королевой, а сам спозаранок засел позади мрачных ворот и

слышал своими ушами, как она говорила с головой своего Фалады; затем пошел он за нею следом на пастбище и спрятался за куст на лужайке.

Тут вскоре он своими собственными глазами увидел, как Кюрдхен и гусятница пригнали стадо гусей и как она потом села и распустила свои волосы, блестящие как золото. Вслед за тем она опять-таки сказала:

Дуй, подуи-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И опять налетел порыв ветра и унесся с колпачком Кюрдхена вдаль, так что тот должен был за ним долго бегать, а гусятница тем временем преспокойно расчесывала и плела свои косы, и старый король все это наблюдал из своей засады.

Никем не замеченный, вернулся он домой, и когда вечером гусятница пригнала гусей с пастбища, он отозвал ее в сторону и спросил, почему она все это делает.

«Этого не смею я вам сказать, – отвечала гусятница, – не смею я никому на свое горе пожаловаться, потому что я поклялась об этом молчать, не то придется мне жизнь потерять».

Но король настаивал и продолжал допрашивать, и все же ничего от нее не мог добиться. «Ну, – сказал он, – если уж ты мне ничего сказать не хочешь, так вот поделись своим горем с этою железною печкой», – да на том и ушел.

Тогда влезла королева в железную печь, стала плакать и жаловаться, облегчила свое наболевшее сердце и сказала: «Вот сижу я здесь, бедная, всеми покинутая! Хотя я королева по рождению, а коварная камеристка силой заставила меня скинуть мое королевское платье и заняла мое место у жениха, между тем как я стала гусятницей и теперь вынуждена справлять всякую черную работу. Кабы знала то моя матушка, у ней сердце с горя разорвалось бы!»

А старый-то король тем временем стоял наверху у самого устья трубы, прислушивался и слышал все, что она говорила.

Выслушав ее, он вернулся опять в ту же комнату и велел ей выйти из печки.

Он приказал одеть ее в королевское платье – и надивиться не мог ее красоте.

Затем позвал король своего сына и открыл ему, что приехала к нему не его невеста, а ее камеристка, и что девушка-гусятница есть его настоящая невеста.

Молодой король был радешенек, увидев, какая у него невеста красавица и умница, и по поводу этого открытия затеял большой пир, на который пригласил всех своих друзей и близких.

На первом месте за столом сидел жених, и королева сидела по одну его руку, а камеристка – по другую и настолько была ослеплена, что не могла узнать королеву в ее блестящем наряде.

Когда все попили и поели, и повеселели, старый король задал камеристке загадку: «Чего бы достойна была служанка, которая так-то и так-то обманула свою госпожу?» – и затем, изложив перед всеми историю королевы, потребовал, чтобы камеристка сказала, какой приговор следует произнести над такой обманщицей.

Выслушав короля, камеристка сказала: «Такая обманщица достойна была бы того, чтобы раздеть ее донага, посадить в бочку, убитую гвоздями; а в ту бочку впрячь двух белых коней и на тех конях катить ее по улицам в бочке до самого места казни».

Король же сказал: «Эта обманщица – ты сама, и произнесла ты свой собственный приговор: над тобой его и исполним».

И когда этот приговор был исполнен, молодой король женился на настоящей королеве, и правили они своим королевством долго и мирно.

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Певчий попрыгун-жаворонок (Певун и прыгун-жаворонок)

Жил-был на свете человек, которому предстояло совершить большое путешествие, и вот при прощании он спросил своих трех дочерей, что им привезти в гостинец.

Тогда старшая пожелала себе жемчуга, вторая – брильянтов, а третья сказала: «Батюшка, привези мне поющего и прыгающего львиного жаворонка». Отец сказал: «Хорошо, если достану – привезу тебе», – поцеловал всех трех дочек и уехал.

Когда он уже находился на обратном пути домой, то жемчуг и брильянты для двух старших дочек он вез с собой, а певуна и прыгуна львиного жаворонка для младшей дочери он тщетно искал везде, и это было ему тем более досадно, что эта дочь была его любимицей.

Дорога его шла лесом, и среди того леса стоял прекрасный замок, а около замка росло дерево, и на самой его вершине пел и попрыгивал львиный жаворонок. «Вот, очень кстати ты мне на глаза попался», – сказал он, совершенно довольный, и крикнул слуге своему, чтобы тот на дерево лез и поймал птичку.

Но едва он подошел к дереву, как из-под него выскочил лев, встряхнулся и рявкнул так, что листья с деревьев посыпались.

«Растерзаю того, кто дерзнет украсть у меня моего певуна и прыгуна жавороночка!» – крикнул лев грозно.

Тогда отец сказал: «Я не знал и не ведал, что птица тебе принадлежит; я готов загладить свою вину и заплатить тебе дорогой выкуп – и прошу только пощадить мою жизнь».

Лев отвечал на это: «Тебя ничто спасти не может, разве только если ты обещаешь отдать мне то, что по возвращении домой первое попадет тебе навстречу; если ты мне это пообещаешь, то я дарю тебе жизнь и сверх того даю моего жавороночка для твоей дочери».

Отец не решался на это согласиться и сказал: «Мне навстречу легко может выйти моя младшая дочь, которая больше всех дочерей меня любит и всегда выбегает ко мне, когда я возвращаюсь домой из поездок».

Но слуга перепугался за своего господина и сказал: «Почему же непременно первую должна вам выйти навстречу ваша дочь, а не кошка или собака?»

Таким образом отец дал себя уговорить, захватил с собою поющего и прыгающего жаворонка и обещал отдать льву в полную собственность то, что первое попадется ему навстречу при возвращении домой.

Когда он прибыл домой и вошел в дом, первую вышла ему навстречу его младшая, любимая дочь. Она выбежала к нему, целовала и обнимала его, и когда увидела, что он ей привез певуна и прыгуна жавороночка, то была вне себя от радости.

Но отец не в силах был радоваться, а напротив того, заплакал и сказал: «Дорогое дитя мое, эту маленькую птичку я купил дорогою ценою – я за нее должен был обещать, что выдам тебя дикому льву на растерзание», – и, рассказав ей все, как было, молил ее не ходить ко льву, что бы там ни случилось.

Но дочь утешала его и сказала: «Дорогой батюшка! Ваше обещание должно быть выполнено; я пойду ко льву и постараюсь смягчить его, и надеюсь вновь возвратиться к вам невредимую».

На другое утро она попросила, чтобы ей была указана дорога к тому замку, простилась с отцом и спокойно вступила в лес.

А тот лев был заколдованный королевич и днем имел образ льва, и все его люди также были львами; ночью же все они принимали

свой человеческий образ.

Красная девица была принята львом весьма радушно и отведена в замок.

К наступлению ночи он обернулся красавцем и торжественно отпраздновал свадьбу с красною девицею. Они жили друг с другом в полном довольстве и согласии; спали днем и бодрствовали ночью.

Однажды пришел лев к своей жене и сказал ей: «Завтра большой праздник в доме твоего отца – твоя старшая сестра выходит замуж, и если ты желаешь на том празднике быть, то мои львы отвезут тебя туда». Та отвечала, что охотно повидалась бы с отцом, поехала в родительский дом, и львы ее сопровождали.

Все обрадовались ее приезду, а уж думали, что лев давно растерзал ее и ее нет в живых.

Она же рассказала, какой у нее чудесный муж и как ей хорошо живется, и проведя с ними все время, пока длились свадебные празднества, уехала обратно в лес к мужу-льву.

Когда выходила замуж ее вторая сестра и она была опять приглашена на свадьбу, она сказала льву: «На этот раз я не поеду одна, ты тоже должен ехать со мною».

Но лев отвечал, что эта поездка грозит ему большою опасностью: если его там, в доме ее отца, коснется луч зажженной свечи, то он обратится в голубя и в течение семи лет должен будет летать вместе с голубями. «Да ну, пойдем со мной! – сказала она. – Уж я тебя буду оберегать и охраню от всякого света».

Так и отправились они в дорогу все вместе, и даже маленького ребенка захватили с собою. Она велела там отвести особую залу и так прочно защитить ее от света, чтобы никакой луч не мог туда проникнуть от свадебных свечей, когда они будут зажжены в доме; там и должен был лев постоянно находиться. Но дверь в эту залу была сделана из сырого дерева, которое дало маленькую трещину, почти незаметную для человеческого глаза.

Свадьба была сыграна с большим блеском; когда же свадебный поезд по возвращении из церкви прошел мимо залы льва со множеством зажженных свечей и факелов, луч света с волосинку упал на заколдованного королевича и едва только коснулся его, как он уже обернулся голубем...

Когда жена пришла к своему мужу-льву, она уже нашла вместо него белого голубка! Голубок сказал ей: «Семь лет должен я в образе голубя летать по белу свету; но на каждых семи шагах я буду ронять по капле крови и по белому перышку, которые тебе будут указывать мой путь; и если ты по этому следу пойдешь, ты сможешь меня от чар избавить».

И вот голубок вылетел, а она пошла за ним следом, и на каждых семи шагах падало на глазах ее на землю по капельке крови и по белому перышку – и указывали ей путь.

Так шла она все далее и далее по Божьему свету, не оглядываясь, и все семь лет почти уже минули: и она уже начинала радоваться и думала, что они скоро будут избавлены от злых чар, а между тем до этого еще оставалось им много вытерпеть!

Однажды, в то время когда она шла по своему обычному пути, капли крови и перышки вдруг перестали падать сверху, и когда она глянула вверх, голубок исчез у нее из глаз!

Ей пришло в голову, что люди не могут помочь ей в ее беде; и потому пришла она к солнцу и сказала ему: «Ты все щели освещаешь и по всему белу свету гуляешь, не видало ли ты, как летел белый голубок?» – «Нет, – отвечало солнце, – никакого белого голубка я не видало; но вот могу тебе подарить шкатулочку, которую ты открой тогда лишь, когда будешь находиться на краю гибели».

Поблагодарила она солнце и пошла далее, и шла до самого вечера, и когда взошел месяц, она спросила его: «Ты светишь всю-то ноченьку на леса темные, на луга поемные – не видал ли ты, как летел белый голубок?» – «Нет, – сказал месяц, – не видал я никакого голубка; но вот дарю тебе яичко, и то яичко разбей лишь тогда, когда на краю гибели будешь».

Поблагодарила она месяц, пошла далее и шла, пока не стал на нее дуть ночной ветер. Тогда она и ему сказала: «Ты всюду дуешь, по деревьям, по кусточкам, по ветвям, по листочкам – не видал ли ты, как летел белый голубок?» – «Нет, – отвечал ей ночной ветер, – не видал я белого голубка; а вот постой, я спрошу у других трех ветров – может быть, те его видели».

Восточный и западный ветры ничего не видели; а южный ветер

сказал: «Я видел белого голубка; он полетел к Красному морю и там опять обернулся львом, потому что уж отбыл семь лет голубем, и бьется там этот лев с драконом, а тот дракон не что иное, как заколдованная королева».

Тогда сказал ей ночной ветер: «Вот что я тебе посоветую – ступай к Красному морю; там на правом берегу растут высокие прутья; отсчитай из них одиннадцатый, срежь его и ударь дракона; тогда и лев с ним справится, и как лев, так и дракон вновь получат свой человеческий образ. Затем оглянись кругом себя и увидишь грифа, что сидит у Красного моря; бросайся вместе с милым твоим к нему на спину: он и донесет вас домой через море. И вот тот орешек, что у тебя есть, как будешь среди моря, оброни, и он тотчас взойдет, и вырастет из воды большое ореховое дерево, на котором грифу можно отдохнуть, а коли он не отдохнет среди моря, то не хватит у него сил вас через море перенести. Не забудь же орех-то обронить – не то гриф самих вас обронит в море».

Подошла она к Красному морю и все нашла в том самом виде, как ей говорил ночной ветер. Сосчитала она прутья на берегу и одиннадцатый из них срезала; ударила прутом дракона, и лев одолел его – и тотчас же оба обратились в людей.

Но как только королева, которая была обращена в дракона, освободилась от чар, она ухватила юношу за руку, вскочила с ним вместе на спину грифу и скрылась.

Тогда бедная странница осталась опять одна-одинешенька, всеми покинутая, и опустилась наземь, и стала плакать. Наконец она ободрилась и сказала: «Я пойду искать своего милого и стану искать его всюду, где ветер воет и где петух поет, пока не сыщу».

И пошла, и шла долго ли, коротко ли, пока не дошла до того замка, где ее муж жил с королевой. Там услышала она, что в замке скоро готовится их свадьба, и, призвав Бога на помощь, открыла ящичек, полученный ею в подарок от солнца: в том ящичке лежало платье, блиставшее так же ярко, как солнце.

Она вынула это платье, надела его и пошла в замок, и все гости, собравшиеся на праздник, и сама невеста смотрели на нее с изумлением; и платье так понравилось невесте, что она сама

захотела надеть его на свадьбу, и спросила: «Не продажно ли оно?» – «Платье не продажное, а заветное, – отвечала покинутая, – отдам его не за золото, не за серебро, а за свое добро».

Невеста спросила, что хочет она сказать этим. А та отвечала: «Пусти меня одну ночь переночевать в той комнате, где твой жених почивает». Невеста не соглашалась сначала, а и платье ей получить хотелось, и вот она согласилась наконец, но приказала слуге своего жениха, чтобы тот дал ему сонного питья на ночь.

С наступлением ночи, когда юноша уже уснул, законная жена его была введена в его опочивальню. И вот стала она у его изголовья и стала говорить: «Семь лет сряду я за тобою следом шла, у солнца и месяца, и у всех четырех ветров побывала, везде о тебе разузнавала, в борьбе с драконом тебе помогла – ужели же ты меня совсем забыть хочешь?» Королевич же спал так крепко, что речи ее не слышал, – и чудилось ему только, будто ветер шумит среди елей...

Как наступило утро, так вывели опять жену из опочивальни, и она должна была отдать жестокой невесте свое золотое платье.

Когда и это не помогло, запечалилась несчастная жена, вышла из замка на лужок, села там и стала плакать. И когда она там сидела, то вспомнила о яйце, которое ей месяц подарил: она его разбила, из того яйца вышла золотая наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, которые кругом ее бегали и клевали корм, и опять подлезали матке под крыло, и все это было так красиво, что милее ничего на всем белом свете не было.

Вот и поднялась она, и погнала их по лужку перед собою, и гоняла до тех пор, пока невеста не увидела из окошка; и приглянулись ей маленькие цыпочки настолько, что она тотчас сошла на лужок и спросила: «Не продажные ли они?» – «Продам их не за золото, не за серебро, – отвечала покинутая жена, – а за свое добро; дозвожь мне еще одну ночь поспать в той комнате, где твой жених почивает».

Невеста согласилась и хотела обмануть ее, как и в прошлый раз. Когда же королевич пришел в свою опочивальню, то спросил у слуги, что значат это бормотанье и шум, которые он слышал прошлую ночью.

Слуга и рассказал ему, что он вынужден был дать ему сонного питья, потому что в его комнате тайно провела ночь какая-то несчастная; что и нынче ночью ему приказано было дать королевичу сонного пить. «Выплесни питье около моей кровати», – сказал ему королевич.

И вот с наступлением ночи опять была введена в его опочивальню законная жена, и когда стала рассказывать ему о своих горестях и напастях, тогда он тотчас по голосу узнал свою милую супругу, бросился к ней и воскликнул: «Только теперь я тобою избавлен от чар, а то до сих пор бродил, словно во сне, потому что эта чужая королева меня околдовала и от тебя меня отвести старалась, но Бог меня вовремя образумил».

И вот они тайно ушли из замка ночью, опасаясь отца королевны, злого волшебника, и сели на грифа, который понес их за Красное море; и когда они были на самой середине моря, обронила она свой заветный орех.

Тотчас выросло из него большое ореховое дерево, на котором гриф отдохнуть мог, а затем принес их домой, где они нашли своего ребенка уже выросшим и похорошевшим.

И жили они там до самой смерти в довольстве и счастье.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Богач и бедняк

Давным-давно это было – в то время, когда еще сам Господь на земле среди людей странствовал. Случилось, что однажды вечером почувствовал Господь усталость, и ночь застала его на дороге, прежде чем он успел дойти до гостиницы. И вот увидал он перед собою при дороге два дома, один против другого; один – большой и красивый, а другой – маленький и бедный; большой принадлежал богачу, а маленький – бедняку.

Вот и подумал Господь: «Богатому мое посещение не в тягость будет – у него и переночую».

Богач, услышав стук в дверь, отворил окошко и спросил незнакомца, что ему нужно. Господь отвечал: «Прошу о ночлеге». Оглядел богач странника от головы до пяток, и так как платье на Господе было плохое и по внешности не походил он на человека, имеющего много денег в кармане, то хозяин отрицательно покачал головою и сказал: «Не могу тебя впустить в свой дом, все помещения моего дома переполнены кореньями и семенами, и если бы я должен был принимать у себя каждого, кто постучит у моей двери, то мне самому пришлось бы взять нищенский посох в руки. Поищи себе приюта в другом месте». Захлопнул богач окно и оставил Господа на дороге, у дверей дома своего.

Тогда Господь отвернулся от него и перешел через дорогу к маленькому дому.

Чуть только он постучался, как уж бедняк распахнул свою дверь и просил войти в его дом. «Останьтесь у меня переночевать, – сказал он, – на дворе уже темно, и сегодня вам нельзя идти далее».

Это Господу понравилось, и он вошел в дом бедняка. Жена

бедняка протянула ему руку, приветствовала его, просила быть как дома и разделить с ними то немногое, что у них было и что они предлагали ему от искреннего сердца.

Затем она поставила картофель вариться на огонь и, пока он варился, стала доить свою козу, чтобы можно было гостя еще и молоком угостить.

Когда стол был накрыт. Господь сел за их трапезу и вкусил от их пищи, и эта бедная пища пришлась ему по вкусу, потому что он видел кругом себя довольные лица.

Когда был окончен ужин и наступило время ложиться спать, жена отозвала мужа в сторону и сказала: «Муженек, ты нынче сделаешь себе постель на полу, а бедного странника положишь спать на нашу постель, чтобы он мог отдохнуть от целого дня ходьбы». – «Изволь, – отвечал муж, – я это предложу ему», – и пошел к Господу, и предложил ему лечь в их постель и отдохнуть надлежащим образом.

Господь не хотел отнимать постель у стариков, но они от него не отставали с просьбами до тех пор, пока он не согласился и не лег в их постель; а себе они устроили постель на полу.

На следующее утро они уже до света поднялись и приготовили гостю завтрак, как могли и умели.

Когда же солнце заронило свой луч в хижину стариков через оконце и Господь поднялся от сна, он еще раз поел с ними и затем собрался в путь.

Уже стоя на пороге, обернулся он к своим хозяевам и сказал: «Так как вы выказали себя богобоязненными и сострадающими, то я разрешаю вам высказать три желания – и все три исполню».

Тогда старик сказал: «Чего же нам желать более, как не вечного блаженства и чтобы мы оба в течение всей нашей жизни были здоровы и постоянно имели хлеб наш насущный; а третьего желания я и придумать не могу».

Господь сказал: «Разве ты не желал бы себе нового дома?» – «Отчего не пожелать? – сказал старик. – Если бы я мог еще и это получить, я был бы очень доволен».

Тогда Господь исполнил все их желания, обратил старенький дом их в новый, еще раз благословил их и пошел дальше.

Уж совсем рассвело, когда богач поднялся с постели. Сел он к

окну и увидел против своего дома новый чистенький кирпичный дом на том месте, где прежде стояла старая хижина.

Удивился богач, призвал свою жену и сказал: «Скажи, пожалуйста, что это значит? Еще вчера вечером тут стояла старая, жалкая хижина, а теперь на ее месте чудесный новый дом. Сбегай туда да разузнай, как это случилось».

Жена богача пошла и обо всем расспросила бедняка; тот рассказал ей, как вчера вечером пришел к нему странник и попросился ночевать, а сегодня утром при прощании даровал им вечное блаженство, постоянное здоровье в этой жизни, постоянный насущный хлеб и сверх того взамен старой хижины дал им новый прекрасный дом.

Жена богача поспешила обратно к мужу и рассказала ему, как все случилось.

Муж и сказал жене: «Вот уж точно, бить бы меня следовало! Ну, кто же это мог знать! Ведь незнакомец-то прежде здесь был и у нас переночевать хотел, а я ему в ночлеге отказал!» – «Поспеш, – сказала жена богача, – садись на лошадь; авось еще нагонишь этого странника – пожалуй, он и тебе дарует исполнение трех желаний!»

Богач последовал доброму совету, погнался вслед за странником и успел нагнать Господа.

Он заговорил с Господом ласково и приветливо и просил Господа не сетовать на то, что он не тотчас его впустил в дом: ключ, мол, от входной двери затерялся куда-то, а тем временем гость и ушел... При этом он просил на обратном пути непременно завернуть в его дом. «Хорошо, – сказал Господь, – если буду возвращаться, то зайду».

Тогда богач спросил его, дозволено ли будет и ему так же высказать три желания, как и его соседу. Господь отвечал, что будет дозволено и ему, но что это будет нехорошо для него самого и лучше бы ему ничего не желать.

Богач сказал, что уж он выищет, чего себе пожелать на счастье, если только будет уверен в том, что его желание исполнится. «Поезжай домой, – сказал ему Господь, – и три желания твои будут исполнены».

Добился богач своего, поехал домой и стал придумывать, чего бы

ему пожелать.

В то время как он был занят своими размышлениями, он распустил поводья коня, тот стал горячиться и настолько мешал течению мыслей богача, что он ничего сообразить не мог.

Он потрепал коня по шее и сказал: «Ну, ну, потише. Серый!» – а конь все свое да свое! Тогда богач рассердился на него и в досаде крикнул: «А чтобы тебе шею сломать!»

Едва произнес он эти слова, как упал с коня на землю и увидел, что конь лежит на земле мертвый и недвижимый... Так исполнилось его первое желание!

Но так как он от природы был жаден, то не хотел покинуть седла вместе с конем, срезал его, взвалил себе на спину и должен был с ним тащиться пешком. «Ну, у меня ведь два желания в запасе!» – подумал он и утешился этим.

Медленно плелся он по песку, а в полдень солнце горячо жгло его своими лучами, и на душе у него было неладно; притом седло давило ему спину и все в голову не приходило, чего бы ему пожелать следовало. «Вперед знаю, – подумал он, – что если бы я даже пожелал себе все царства и сокровища мира, так все же мне потом еще и еще что-нибудь пришло бы в голову; нет, уж коли желать, так уж так, чтобы потом больше ничего желать не осталось».

Иногда казалось ему, что вот-вот уж придумал он себе желание, а там опять начинало казаться, что его желание слишком ничтожно. Вдруг пришло ему в голову, что жене его теперь хорошо было сидеть дома в прохладной комнате, и самому туда же захотелось... Раздосадованный этими мыслями, он и сам не заметил, как пожелал: «Желал бы я, чтобы она там, у себя дома, на этом седле сидела да сойти с него не могла, чем мне его на своем хребте тащить».

Чуть только произнес он эти слова, седло исчезло с его спины, и он убедился в том, что и второе его желание было выполнено. Тут-то и бросило его в жар, и он чуть не бегом побежал, чтобы поскорее очутиться одному в своей комнате и, усевшись на место, подумать хорошенько о чем-нибудь великом для своего последнего желания.

Но чуть только пришел к дому и отворил дверь, как увидел, что

его жена сидит среди комнаты на седле и никак с него сойти не может, а потому кричит и плачет.

Он и сказал ей: «Посиди еще маленьчко да повремени – я пожелаю тебе все богатства и сокровища мира!» – «Безмозглая башка! – крикнула ему жена и прибавила: – Куда мне все сокровища, когда я вот с седла сойти не могу! Ты пожелал мне, чтобы я на нем очутилась – пожелай же теперь, чтобы я с него сойти могла».

Волей-неволей пришлось ему пожелать, чтобы она сошла с седла; и так было исполнено и третье его желание!

И вот все три желания его привели только к досаде, утомлению, брани и к потере лошади; а бедняки между тем жили в довольстве смирененько и тихонько до самой их блаженной кончины.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Лиса и гуси

Пришел однажды лис на лужок, где паслось стадо славных жирных гусей, посмеялся и сказал: «Прихожу я словно званый гость, и сидите вы все так славно, рядочком – так я одного за другим могу и перебрать по очереди». Гуси загоготали от страха, повскакали с мест своих и начали стонать и жалобно молить о том, чтобы лис их помиловал. Но тот ничего и слушать не хотел и говорил: «Нет вам помилованья, все вы должны умереть!»

Наконец один гусь собрался с духом и сказал: «Уж если точно суждено нам, бедным гусям, расстаться с нашею молодою жизнью, то уж окажи нам единственную милость и дозвожь нам только прочесть одну молитву, дабы мы не умерли во грехе: а прочитав молитву, мы уж сами станем в ряд, чтобы тебе легче было выбирать из нас того, который пожирнее». – «Ладно, – сказал лис, – просьба ваша вполне основательна и притом свидетельствует о вашем благочестии; помолитесь, а я до тех пор подожду». Вот и начал первый гусь длинную-предлинную молитву, и все повторял: «Га-га-га! Га-га-га!» – и так как той молитве и конца не было, то второй гусь не стал ожидать, пока до него дойдет очередь, и сам завел ту же песню: «Га-га-га!» Третий и четвертый последовали его примеру, и скоро все разом стали гоготать, и когда их молитва окончится, тогда и сказка продолжится, да только в том и беда, что они и теперь все еще гогочут!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Золотые дети

У одного бедняка и его жены не было за душой ничего, кроме маленькой хижины, а питались они от рыбной ловли: что добудут, то и съедят.

Случилось, однако же, что однажды, когда муж сидел у воды и сеть свою закидывал, он выловил рыбу, совсем золотую.

И в то время как он в изумлении ту рыбу рассматривал, стала рыба говорить и сказала: «Слушай-ка, рыбак, если ты меня опятьпустишь в воду, то я твою крошечную хижину обращу в богатейший замок».

Рыбак отвечал ей: «А что мне в твоём замке, когда у меня есть нечего». – «И о том я позабочусь, – продолжала рыба, – в замке будет такой шкаф, как его отворишь, так и увидишь: там блюда поставлены с лучшими кушаньями, и ешь, сколько хочешь». – «Ну, коли так, – сказал рыбак, – так я могу тебе сделать в твоё удовольствие». – «Только помни, – сказала рыба, – один уговор: никому на свете, кто бы он ни был, не сказывай, откуда взялось такое счастье. Скажешь хоть единое слово – тогда все пропало». Бросил рыбак диковинную рыбу в воду и пошел домой... И что же? На том месте, на котором была его бедная хижина, теперь стоял большой замок.

Поглазел он на этот замок, вошел в него и увидел, что жена его, разодетая в красивое платье, сидит в богатой горнице.

Лицо у нее было очень довольное, и она сказала: «Муженек! Откуда все это взялось? Все это мне очень нравится». – «Так-то так, – сказал муж, – и мне тоже нравится, но и голод меня тоже порядком мучит, и ты давай-ка мне что-нибудь поесть». – «Да

нет у меня ничего, – отвечала жена, – притом же в новом доме я и разыскать ничего не могу». – «И искать нечего, – сказал муж, – вон стоит большой шкаф, вот ты его и отопри».

Чуть только она отперла шкаф, видит: стоят там и красуются и мясо, и овощи, и пирожное, и вина.

Тут жена не выдержала, вскрикнула от радости: «Вот уж точно все, чего душа пожелает!» – и они тотчас сели за стол и принялись оба в свое удовольствие пить и есть.

Когда же насытились, жена спросила: «Однако, муженек, откуда все это богатство?» – «Не спрашивай меня об этом, – отвечал ей муж, – сказать этого я не смею, и если кому-нибудь открою, то наше счастье сразу пропадет». – «Ладно, – сказала жена, – коли я не должна этого знать, так и знать не желаю».

Но сказала она это не от души, и ни днем, ни ночью не давала ему покоя и мучила, и раздражала его своими вопросами до тех пор, пока он не потерял терпенья и не высказал ей, что все к ним пришло от диковинной золотой рыбы, пойманной им и за этот выкуп отпущенной на волю.

И как только он это высказал, исчез прекрасный замок со своим шкафом и очутились и муж, и жена опять в своей старой рыбацкой хижине.

Муж опять должен был приняться за свое ремесло и рыбачить. На его счастье золотая рыба опять попала в сети. «Слышь-ка, – сказала ему рыба, – если ты меня еще раз отпустишь, то я тебе верну тот же замок с тем же шкафом, полным всякой снеди; но берегись – ни за что никому не выдавай своей тайны, не то опять все потеряешь». – «Да уж поостерегусь», – отвечал рыбак и опять пустил рыбу в воду.

А дома опять все было так же богато и прекрасно, и жена была в великой радости от наступившего счастья.

Но любопытство по-прежнему не давало ей покоя, и денька два спустя она опять начала расспрашивать, откуда все взялось и как он этого добился.

Муж молчал и держался некоторое время, но потом она так его доняла, что он наконец взбесился и выдал ей тайну.

В тот же миг исчез замок, и они снова очутились в старой хижине. «Вот на же тебе! – сказал ей муж. – Теперь мы опять

можем зубы на полку сложить». – «Ах, – сказала жена, – я уж лучше откажусь от богатства, коли мне не позволено будет узнать, откуда оно взялось... Этак я и не успокоюсь».

Муж опять пошел рыбачить, и несколько времени спустя опять вытащил ту же золотую рыбу и в третий раз. «Слышь-ка, – сказала ему рыба, – вижу я, что мне суждено постоянно попадаться в твои руки; возьми же ты меня к себе домой и разрежь меня на шесть частей; две дай съесть твоей жене, две – твоей лошади, а две схорони в землю, тогда увидишь, какое тебе из этого произойдет благополучие».

Муж, понятно, захватил с собою рыбу домой и выполнил все точно так, как она приказала.

Вот и случилось, что из двух частей рыбы, зарытых в землю, выросли две золотые лилии; лошадь, съев две другие части, принесла ему пару золотых жеребят, а жена рыбака родила двоих детей-близнецов, тоже золотых.

Стали дети подрастать, становиться большими и хорошеть; с ними вместе росли и лилии, и жеребята.

И сказали дети отцу: «Батюшка, мы хотим сесть на наших золотых коней и поехать странствовать по белу свету». – «Не знаю, как я это перенесу, когда вы от меня уедете и вестей от вас не будет», – отвечал им отец.

Дети сказали: «Эти две золотые лилии останутся здесь, и по ним вы всегда будете знать, каково нам живется на белом свете – будут они свежи, значит, и мы живы; если они поблекнут, значит, мы нездоровы, а если опадут, то значит, что уж нас нет в живых».

Они поехали странствовать и прибыли в гостиницу; в той гостинице было много всякого люда в сборе, и когда все они увидели золотых близнецов, то стали смеяться и издеваться над ними.

Один из близнецов, услышав эти насмешки, застыдился, повернул коня и вернулся к отцу, отказавшись от намеренья странствовать по свету, другой же поехал далее и достиг большого леса.

И когда уж он собирался в тот лес въезжать, люди стали поговаривать: «Не следовало бы вам через тот лес проезжать, потому что он полнехонек разбойников, от которых вам

несдобровать, и даже может случиться, когда они заметят, что и вы сами золотой, и конь у вас золотой же, что они вас убьют!» Но он не дал утратить себя и сказал: «Я должен и обязан через этот лес проехать».

При этом взял он несколько медвежьих шкур и прикрыл ими себя и своего коня так, что золота было совсем не видно; затем смело пустился в лес.

Проехав немного, услышал он шорох в кустарниках и различил голоса, которые между собой переговаривались.

С одной стороны слышалось: «Вот он едет!» – а с другой: «Ну его! Это какой-то оборванец, и гол, и беден, как церковная крыса, – стоит ли его трогать?» Так и проехал молодец через весь лес вполне благополучно.

Однажды приехал он в деревню и увидел там девушку, такую красавицу, что она показалась ему лучше всех на свете.

Возгоревшись такою сильною любовью, он пошел напрямонько к ней и сказал: «Я полюбил тебя от всего сердца – хочешь ли ты быть моею женою?»

Он и девушке понравился настолько, что та, немало не сомневаясь, согласилась и сказала: «Да, я согласна быть твоею женою и буду верна тебе до гроба».

Вот и назначили они день свадьбы, и в самое то время, когда пир был в разгаре, прибыл отец невесты, и когда увидел, что дочь его празднует свадьбу, то очень удивился и сказал: «А где же жених?»

Она показала ему на жениха, который все еще был окутан своими медвежьими шкурами. «Никогда не допущу, чтобы простой охотник женился на моей дочери!» – сказал отец и собирался его убить.

Но невеста стала просить отца и сказала: «Он мне муж, и я его сердечно люблю», – и так укротила гнев отца.

Однако же он еще не мог успокоиться, так что и на следующее утро, ранешенько поднявшись, он захотел видеть мужа своей дочери и своими глазами убедиться в том, что он простой бедняк и проходимец.

Заглянув в спальню дочери, он увидел на постели красивого молодого человека, с ног до головы золотого, и все его медвежьи шкуры на полу около кровати.

Тогда он потихоньку удалился и подумал: «Как это хорошо, что я все же сумел совладать со своим гневом – иначе я бы совершил большое преступление».

А молодцу тем временем снилось, что он выезжает на охоту и охотится за превосходным оленем, и когда он поутру проснулся, то сказал своей новобрачной: «Я хочу ехать на охоту».

Та за него побоялась и просила его не ездить, и говорила: «С тобой легко может приключиться какое-нибудь несчастье». Но он отвечал ей: «Я должен и обязан ехать».

Он поднялся с постели и выехал в лес, и вскоре перед ним явился чудный олень: ни дать, ни взять, как во сне ему снилось.

Он в него прицелился и уже собирался стрелять, но олень пустился бежать.

Он погнался за ним через пень и колоду и гнался целый день, не чувствуя утомления; а вечером олень скрылся у него из глаз. И когда молодец огляделся кругом, то увидел перед собой маленькую избушку, а в избушке – ведьму.

Он постучался у двери, и вышла к нему старушоночка с вопросом: «Чего ты тут бродишь так поздно в дремучем лесу?» Он спросил ее: «А не видала ли ты оленя?» – «Да, видала, – отвечала ведьма, – я того оленя знаю».

В это время выбежала из избушки собачонка и стала громко лаять на молодца. «Замолчишь ли ты, злая жаба? – крикнул он на нее. – Замолчи, не то пристрелю тебя!» – «Как, мою собачку – пристрелишь?» – гневно крикнула ведьма и обернула молодца в камень придорожный.

И тщетно ждала новобрачная его возвращения, и думала: «Верно, случилось с ним то, чего я так опасалась и что так тяготило мое сердце предчувствиями».

А между тем брат молодца, оставшийся дома, глянул как-то на золотые лилии и увидел, что одна из них вдруг опала. «Боже мой! – сказал он. – С братом случилось большое несчастье – я должен сейчас же ехать на поиски его, и может быть, мне еще удастся его спасти!» – «Останься дома, – сказал отец, – ведь если я еще и тебя потеряю. Что я тогда стану делать?» Но тот стоял на своем: «Я должен и обязан ехать».

Сел он на своего золотого коня и поехал, и прибыл в тот лес, в котором его брат камнем лежал.

Старая ведьма вышла к нему из избушки, окликнула его и тоже хотела околдовать, но он знал, что нужно делать, не приблизился к ней, а крикнул ей издали: «Я пристрелю тебя сейчас же, если ты не оживишь моего брата!»

Ведьма очень неохотно ткнула пальцем в камень, и камень тотчас обернулся прежним добрым молодцем.

Оба брата, снова свидевшись, обрадовались друг другу, целовались и миловались, и поехали из леса вместе – один домой, к отцу, другой – к своей новобрачной.

И сказал отец молодцу: «Я и до твоего приезда уже знал о том, что ты спас своего брата, потому что золотая лилия опять поднялась и расцвела».

И так они стали жить и поживать в довольстве и в добре до самой своей смерти.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ганс женится

В одной деревне жил молодой крестьянин по имени Ганс. Его двоюродному брату очень хотелось

высватать ему богатую невесту. Вот он и посадил Ганса за печь и натопил ее пожарче. Потом принес ему горшок молока, порядочный запас белого хлеба, а в руки дал новенький блестящий геллер и сказал: «Кроши хлеб в молоко, да тут и посиживай, и с места не сходи, пока я не вернусь». – «Пожалуй, – отвечал Ганс, – все это я могу сделать».

Тут сват надел старые заплатанные штаны, пошел в другую деревню к богатому мужику и спросил у его дочери, не желает ли она выйти замуж за его двоюродного брата Ганса.

Скупой отец ее спросил: «А как насчет его имущества? Найдется ли у него что перекусить?» – «Дружище, – отвечал сват, – да братец-то мой в тепле сидит, геллер свой в кулаке держит, из рук его не выпускает. Да и добра-то у него, что у меня заплат на платье! – и ударил себя по заплатанным штанам. – Коли не поленитесь со мной сходить да взглянуть, так сами увидите, что все так и есть, как я вам говорю».

Старый скряга-отец не захотел упустить хорошего случая и сказал: «Ну, коли все так и есть, так я ничего не имею против этой свадьбы».

Свадьбу отпраздновали в назначенный день, и когда молодой новобрачной вздумалось с Гансом выйти в поле и осмотреть земли своего молодого мужа, тот тотчас снял с себя нарядное платье и надел заплатанный холщовый полукафтан, сказав: «Пожалуй, платье-то еще запачкаю».

Вот и пошли они вместе в поле, и где им на пути попадались виноградники или огороженные поля и луга, там Ганс указывал на них пальцем и потом похлопывал рукою по какой-нибудь заплатке на своей одежде, по маленькой или по большой, приговаривая: «Изволишь ли видеть, голубушка, и эта заплатка моя, и та – моя же».

А новобрачная-то думала, что он не о заплатах говорит, а о тех землях и угодьях, на которые он ей указывал.

«А была ли ты на той свадьбе?» – «Была, само собою разумеется; да еще в каком уборе! На голове-то был у меня снег нахлобучен, а как солнышко взошло, снег-то и растаял; платье-то на мне было из паутины, да шла я через колючий кустарник, все платье

в ключья изорвалось; башмаки были на мне стеклянные, да наткнулась я на камень – они только звякнули и вдребезги разбились».

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Счастливый Ганс

Ганс прослужил семь лет у своего господина и стал говорить ему: «Срок моей службы, сударь, миновал уже, и я бы очень охотно вернулся теперь к моей матери; а потому пожалуйста мне мое жалованье».

Хозяин его отвечал: «Ты служил мне верно и честно; по твоей службе должна быть тебе и награда», – и дал ему кусок золота величиной с его голову. Ганс вытащил платочек из кармана, завернул в него слиток золота, положил его на плечо и пустился домой.

Шел он своей дорогой, плелся нога за ногу и увидел всадника,

который бодро и весело прорысил мимо него на славной лошади. «Ах, – сказал Ганс вслух, – что за славная штука эта верховая езда! Сидишь словно на стуле, ни на какой камень не спотыкаешься, обуви не изнашиваешь, и едешь себе вперед да вперед, сам того не замечая».

Всадник, услышав это, сдержал коня и крикнул: «Эй, Ганс, так зачем же ты пешком-то идешь?» – «Приходится идти пешком, коли нужно домой снести вот этот слиток: оно, положим, и золото, однако вот голову приходится набок держать, да и плечо оттянуло». – «А знаешь ли что? – сказал всадник. – Давай меняться: я тебе отдам своего коня, а ты мне свой слиток». – «С удовольствием, – сказал Ганс, – но только предупреждаю, что придется тебе с ним тащиться».

Всадник спешил, взял у Ганса слиток золота и помог ему взобраться на седло; потом дал ему поводья в руки и добавил: «Если хочешь, чтобы конь бежал быстро, тебе надо только языком прищелкнуть да крикнуть: гоп, гоп».

Ганс был радешенек, что уселся на лошадь, и поехал он себе легко и свободно.

Немного спустя ему показалось, что следует ехать быстрее, и он стал языком прищелкивать и покрикивать: гоп, гоп! Конь пошел крупной рысью, и прежде чем Ганс успел оглянуться, он очутился во рву, который отделял дорогу от полей.

И лошадь тоже перескочила бы через ров, если бы не удержал ее встречный крестьянин, который шел по дороге и гнал перед собою корову.

Ганс кое-как выкарабкался и поднялся на ноги; но он был очень раздосадован и сказал мужику: «Какая глупая штука эта верховая езда! Особенно когда вот на этакую клячу попадешь, которая и трясет, и с себя сбрасывает, того и гляди еще шею себе переломишь! Никогда я теперь больше на нее не сяду! То ли дело ваша корова – идешь себе за нею вольготно, да сверх того еще каждый день от нее и молоко, и масло, и сыр. Чего бы я ни дал за такую корову!» – «Ну, уж если вам моя корова так приглянулась, так я охотно поменяюсь ею на вашего коня».

Ганс был радешенек этой мене; а крестьянин поскорее вскочил на коня и поспешил уехать.

Вот Ганс преспокойно погнал перед собою корову и все обдумывал свой удачный оборот. «Как это славно! Стоит только куском хлеба запастись (в нем у меня не будет недостатка!), а сыр да масло у меня во всякое время готовы! А захотелось пить – подоил корову, да и напился, сколько душе угодно!»

Подойдя к гостинице, Ганс приостановился, на радостях съел все, что у него было захвачено на дорогу на обед и на ужин, и на последнюю пару крейцеров приказал подать себе полстакана пива. Затем погнал свою корову далее по дороге к деревне, где жила его мать.

Жар был томительный, потому что время уже близилось к полудню, а Гансу оставалось еще, по крайней мере, час пути.

Наконец жара его до такой степени одолела, что у него и язык к небу липнуть стал. «Этой беде помочь нетрудно, – подумал Ганс, – вот теперь-то и стоит подоить корову и полакомиться от нее молочком!» Привязал он корову к сухому дереву, подставил свою кожаную шапку вместо подойника, но как ни бился, молока не мог добыть ни капли. А так как он доил корову неискусно, то она стала у него брыкаться и нанесла ему задней ногой такой удар в голову, что он покатился на землю и некоторое время даже в себя прийти не мог.

По счастью, по той же дороге шел в то время мясник, который вез перед собою на тележке поросенка. «В чем тут дело?» – крикнул он Гансу и помог ему подняться.

Ганс рассказал ему, что случилось. Мясник подал ему свою фляжку и сказал: «На-ка, выпей да подкрепись! Корова эта, конечно, никакого молока не даст – она уж стара и годится разве только для тяги либо на убой». – «Э-э! – проговорил Ганс, ероша на голове волосы. – Кто бы мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если можно такую скотину дома заколоть – говядина славная! Но я коровьего мяса не люблю: не сочно, вишь, оно! Вот если бы мне такую свиночку – это другое дело, да притом еще и колбаски!» – «Слышь-ка, Ганс, – сказал мясник, – уж так, для тебя, я, пожалуй, с тобой на корову свинкой поменяюсь». – «Благослови тебя Бог за твое расположение ко мне!» – сказал Ганс, передавая ему корову, и когда мясник отвязал свинку с тележки и привязал на веревку, то Ганс взял

конец той веревки в руку.

Пошел Ганс и стал думать, как все устраивается по его желанию, и даже если встречается какая неприятность, то сейчас же и улаживается.

Вскоре нагнал его на дороге еще один парень, который нес под мышкою чудесного белого гуся. Стали они между собою беседовать, и Ганс стал ему рассказывать о своем счастье и о том, как удачно он выменивал одну вещь на другую. Парень тоже рассказал ему, что несет гуся на угощение при крестинах. «Изволь-ка приподнять его, – продолжал он, – какова тяжесть! Недаром мы его целых восемь недель откармливали! Кто этакого гуся станет есть, тот только знай с обеих сторон жир вытирай!» – «Да, – сказал Ганс, взвешивая гуся в одной руке, – гусь увесистый; ну, да и моя-то свинка тоже за себя постоит!»

Между тем парень стал тревожно озираться во все стороны и даже покачивать головой. «Слушай-ка, – сказал он наконец, – насчет твоей свинки дело как будто неладно. В деревне, через которую я сейчас шел, у старшины вот только что украдена была из хлева свинья. Боюсь я, не та ли это, что у тебя теперь на веревке. Он выслал и людей на поиски, и дело бы могло плохо кончиться, если бы они тебя застали здесь со свиньей; пожалуй, не миновать бы тебе темного чулана».

Добрый Ганс струхнул. «Ах, батюшки, – засуетился он, – пособите мне из этой беды выпутаться! Возьмите мою свинку и дайте мне вашего гуся в обмен». – «Делать нечего! Попытаемся, хоть оно и небезопасно, – отвечал Гансу парень, – а все же не желаю быть виною того, что на тебя беда обрушится». Он взял веревку в руки и погнал свинью в сторону проселком, а простодушный Ганс, избавившись от своих опасений, преспокойно пошел своей дорогой с гусем под мышкой.

«Коли все-то хорошенько сообразить, так я, пожалуй, и в барышах от меня, – размышлял Ганс, – во-первых, жаркое из гуся отличное; затем жиру-то сколько из него вытопится – месяца три сряду на нем лепешки печь станем; а наконец и чудный белый пух, которым велю набить свою подушку; да еще как на ней спать-то мягко будет!»

Когда он проходил через последнюю деревню на своем пути, он

наткнулся на точильщика, который, сидя на своей тележке, вертел свое колесо, припевая:

И ножи, и ножницы я точу, точу, Ни забот, ни горюшка знать я не хочу!

Ганс приостановился и посмотрел на его работу, а потом вступил с ним в разговор: «Видно, хорошо тебе живется, что ты за своею работою так весел?» – «Да, – отвечал точильщик, – мое ремесло, можно сказать, золотое! Коли ты точильщик настоящий, так ведь деньги-то у тебя в кармане не переводятся. А где это ты такого славного гуся купил?» – «Я не купил его, а выменял на свою свинку». – «А свинку?» – «Ту я получил в обмен на корову». – «А корову?» – «Той я поменялся на коня». – «А коня?» – «Коня я выменял на слиток золотой величиною в мою голову». – «А золото-то откуда у тебя взялось?» – «То я получил в награду за семь лет службы». – «Надо сказать правду: умел ты свои делишки обделать! – сказал точильщик. – Для твоего полного счастья недостает только одного: чтобы деньги у тебя постоянно в кармане водились». – «А как же мог бы я этого добиться?» – спросил Ганс. «Очень просто: ступай вот так же, как я, в точильщики; для этого только нужно, что обзавестись точильным камнем; а другой камень простой, найти его нетрудно. Вот у меня, кстати, есть один запасный, правда, немного поврежденный; да зато же я за него недорого и возьму – ну, вот сменяю его на твоего гуся. Хочешь или нет?» – «Само собою разумеется, – отвечал Ганс, – я почти себя счастливейшим из смертных! Коли у меня деньги в кармане переводиться не будут, так тогда о чем же мне и заботиться?»

И он тотчас же протянул ему своего гуся, а от него взял точильный камень. «Ну, а вот тебе еще и другой славный камень в придачу, – сказал точильщик, подавая Гансу простой увесистый булыжник, который около него валялся на земле, – на этом можно будет и старые гвозди отбивать. Возьми уж кстати и его с собой!»

Ганс взвалил себе булыжник на плечо и, совершенно довольный, направился домой, глаза его так и сияли от радости. «Видно, я в сорочке родился! – думал он про себя. – Чего бы я ни пожелал, все мне так легко удастся. Вот каков я счастливец!»

Между тем он начинал чувствовать сильное утомление, потому что спозаранку все был на ногах, притом и голод его томил и нечем было утолить его, потому что он разом съел весь свой запас на радостях, когда выменял корову.

Наконец уж он еле ноги волочил и почти каждую минуту должен был останавливаться для роздыха; да и камни ему невыносимо давили плечи. Ему даже приходило не на шутку в голову, что было бы недурно именно теперь от них избавиться.

Чуть не ползком добрался он до колодца в поле и задумал около него отдохнуть и водицы холодненькой испить; а камни, чтобы их не повредить, он осторожно сложил рядком, на самый край колодца. Затем уж сам присел и только хотел нагнуться к воде, как зацепил по неосторожности оба камня, и они бухнули в воду. Когда Ганс увидел, что они скрылись в глубине, он радостно вскочил со своего места, бросился на колени и со слезами на глазах благодарил Бога за то, что он оказал ему такую милость и избавил его от тяжелых камней таким чудесным образом и притом так, что он сам не мог себя ни в чем упрекнуть.

«Да, – воскликнул он, – такого счастливца, как я, не найдется другого во всей вселенной!»

С облегченным сердцем и вполне свободный от всякой тяжести, он поспешил вперед и достиг наконец дома своей матери.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ганс-Игрок

Жил когда-то человек; он только и знал, что в карты играть, и прозвали его потому Гансль-Игрок; а так как он не переставая играл, то проиграл и свой дом, и все, что у него было. И вот, как раз в последний день, когда заимодавцы хотели забрать у него и дом, явился к нему Господь Бог, а с ним вместе Святой Петр, и попросились к нему на ночлег.

Гансль-Игрок и говорит: «Хотите, оставайтесь ночевать, но дать вам постель и накормить вас я не могу».

Тогда Господь Бог сказал, что пусть он только их на ночлег пустит, а еды они уж сами себе купят. Гансль на это согласился.

Вот дал ему Святой Петр три геллера, чтоб пошел Гансль к булочнику купить хлеба. Пошел Гансль-Игрок, но проходил мимо дома, где обычно всякие игроки-шулера собирались, которые у него все и повыигрывали; они подозвали его и стали ему кричать: «Гансль, поди-ка сюда!» – «Да, – говорит он им, – вы хотите у меня и эти три геллера выиграть». Но они его непустили. Вошел он к ним и проиграл эти три геллера. А Святой Петр и Господь Бог все ждут его, дожидаются, а он назад не возвращается. Вышли они тогда к нему навстречу.

Приходит Гансль-Игрок и говорит, что деньги, мол, у него из кармана в дыру проскочили и он все время лазил да их разыскивал. Но Господь Бог уже знал, что тот их проиграл.

Дал ему Святой Петр еще три геллера. Ну, уж теперь Гансль не дал себя ввести в соблазн и принес Святому Петру хлеба. Вот,

спрашивает Господь Бог Гансля, не найдется ли, мол, у него вина, а Гансль-Игрок говорит: «Нет, сударь, бочки все у меня порожние».

Говорит тогда Господь Бог, чтоб спустился он в подвал: «Там теперь самое лучшее вино стоит».

Долго не хотел Гансль-Игрок этому верить, но, наконец, сказал: «Ладно, схожу в подвал, но я-то ведь знаю, что вина там нету». Начал он нацеживать из бочки, и вдруг потекло из нее самое лучшее вино.

Принес он Господу Богу вина, и остались они у него ночевать.

На другой день рано на рассвете говорит Господь Бог Ганслю-Игроку, чтобы выпросил он у него для себя три награды. Думал Господь, что тот будет просить, чтоб пустил он его в рай, но Гансль-Игрок попросил у него карты, которыми можно было бы всегда выигрывать, такую же игральную кость и дерево, на котором росли бы разные плоды и овощи, и если бы кто на то дерево взобрался, то спуститься оттуда назад не мог бы, пока он сам ему не прикажет. И дал ему Господь Бог все, что он попросил, а затем ушел вместе со Святым Петром.

Только теперь и начал Гансль-Игрок играть по-настоящему и в скором времени выиграл целых полсвета.

Говорит тогда Святой Петр Господу Богу: «Дело не к добру клонится, этак в конце концов он весь свет выиграет. Надо бы нам послать к нему Смерть».

И они послали к нему Смерть. Приходит Смерть, а Гансль-Игрок как раз в это время сидел за игорным столом. Вот Смерть и говорит: «Гансль, выйди-ка сюда на минутку».

А Гансль-Игрок ей отвечает: «Подожди маленько, пока игра кончится, а пока что взберись на то вон дерево да что-нибудь сорви, чтобы было нам что по дороге жевать».

Вот Смерть и взобралась на дерево; захотелось ей вниз спуститься, но она никак не могла, и заставил ее ГансльИгрок сидеть там целых семь лет, и за это время не умер ни один человек на свете.

Говорит тогда Святой Петр Господу Богу: «Дело, Господь, не к добру клонится, теперь ведь никто не помирает, надо бы нам к нему самим сходить».

Пошли они сами, и приказал Господь Бог ГанслюИгроку, чтобы позволил он Смерти с дерева слезть. Тот тотчас пошел и сказал Смерти: «Слезай вниз!»

И Смерть тотчас схватила его и задушила. Она ушла вместе с ним оттуда и увела его на тот свет.

Вот подошел это мой Гансль к небесным вратам и постучался. «Кто там такой?» – «Гансль-Игрок». – «Ах, нам такого не надо, ступай прочь отсюда».

Подошел он тогда к вратам чистилища и постучался опять. «Кто там такой?» – «Гансль-Игрок». – «Э, да ведь ты попал к нам не из-за беды и несчастья, а играть мы с тобой не собираемся. Ступай прочь отсюда».

Подошел тогда Гансль к вратам ада, его впустили, но там никого не оказалось, кроме старца Люцифера да хромых чертей (другие в то время по свету расхаживали). Усадил их тотчас Гансль-Игрок и принялся опять за свою игру. Но сейчас у Люцифера не было ничего, кроме вот этих хромых чертей; вот Гансль-Игрок и выиграл их у Люцифера, потому что своими картами он мог все выиграть.

Выбрался он со своими хромыми чертями из ада и направился в Гогенфурт. Вырезал там себе шест для прыжков, подкинул его к небу и начал небо раскачивать, и стало оно уже потрескивать.

Вот и говорит опять Святой Петр Господу Богу: «Дело не к добру клонится, надо будет его сюда впустить, а не то он нас самих с неба сбросит».

Вот, значит, Пустили они его на небо. Но принялся Гансль-Игрок опять там за свою игру, и поднялся на небе тотчас такой шум и беспорядок, что не могли они и собственных слов разобрать.

И говорит Святой Петр опять: «Господь, дело не к добру клонится, надо будет его вниз сбросить, а не то он взбунтует все небо».

Вот, значит, взяли они его и сбросили вниз; и разделилась тогда его душа на части и вселилась в разных других игроков-побродяжек, что живут и до сей поры.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Брат-Весельчак

Велась некогда большая война, и когда окончилась, многие солдаты получили отставку. И Брат Весельчак тоже получил отставку вместе с другими, а при отставке – небольшой казенный хлебец да четыре крейцера на выход.

Побрел Брат Весельчак путем-дорогою и повстречался ему Святой Петр в образе нищего и попросил милостыни. Тот отвечал ему: «Э-э, миляга, что мне и дать-то тебе? Был я в солдатах и выпущен вчистую: и всего-то у меня за душою казенный хлебец да четыре крейцера... А как и те выйдут, придется и мне точно так же просить милостыню, как ты просишь... Однако же дам, что могу».

Затем он разделил хлебец на четыре части и одну из них дал Святому Петру, добавив к хлебу и крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в образе другого нищего сел на пути солдата; когда тот поравнялся с ним. Святой Петр опять попросил у него милостыни. Брат Весельчак опять повторил ту же речь и опять подал ему четверть хлебца и

крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в третий раз в образе нищего сел при дороге, и опять обратился к Весельчаку с той же просьбой. Весельчак и в третий раз дал ему третью четверть хлебца и третий крейцер. Святой Петр его поблагодарил, а добряк пошел далее, и осталось у него в запасе всего четверть хлебца да один крейцер.

С этим запасом зашел он в гостиницу, съел свой кусок хлеба, а на крейцер спросил себе пива.

Затем пошел дальше путем-дорогою, а навстречу ему вышел опять Святой Петр в образе отставного же солдата и заговорил с ним: «Здорово, товарищ! А что, не найдется ли у тебя куска хлеба в запасе да хоть крейцера на выпивку?» – «Где мне это взять? – отвечал Весельчак. – Выпущен я вчистую, и за службу получил только казенный хлебец да четыре крейцера! На пути своем повстречал я троих нищих и каждому дал по четверти хлебца да по крейцеру. Последнюю же четверть я съел сам, зайдя в гостиницу, да на последний крейцер выпил. Теперь, брат, у меня пусто, и если у тебя тоже ничего нет, то мы вместе можем отправиться просить милостыню». – «Нет, – сказал Святой Петр, – это пока еще не нужно; я кое-что смыслю в лечении болезней и сумею этим делом заработать, сколько мне нужно». – «Ну, а я в этом ничего не смыслю, – сказал Весельчак, – значит, мне и придется одному идти нищенствовать». – «Э-э, пойдем со мною! – сказал Святой Петр. – Коли я что-нибудь заработаю, так поделюсь с тобою». – «Что ж, мне это на руку!» – сказал Весельчак.

Так и продолжали они путь вместе.

Вот и пришли они к одному крестьянскому дому и услышали в нем вой и плач; зашли туда и видят, что хозяин дома лежит при смерти, и смерть у него за плечами, а жена его по нем воеет и голосом плачет.

«Полно выть и плакать, – сказал Святой Петр, – я вылечу вашего мужа», – и с этими словами вынул из кармана какую-то мазь и исцелил больного мгновенно, так что он мог встать и совсем выздоровел.

Муж и жена очень этому обрадовались и спросили: «Чем можем мы

вас наградить? Что можем вам дать?»

Однако же Святой Петр не захотел ничего брать, и чем более они его упрашивали, тем более он отказывался. А Весельчак-то и подтолкни его в бок, говорит: «Бери же что-нибудь, ведь нам же нужно».

Наконец хозяйка вынесла ягненок и сказала Святому Петру, что он должен его взять; но тот все отказывался. А Весельчак-то опять его в бок: «Да бери же, дурень, ведь нам нужно!»

Тогда Святой Петр сказал, наконец: «Ну, ладно! Ягненок я возьму, но не понесу сам; хочешь, брат, так сам и неси». – «Отчего ж не понести!» – отвечал Весельчак и вскинул ягненка на плечо.

Вот и пришли они в лес; ягненок порядком оттянул плечо Весельчаку, который притом же был и голоден, а потому сказал своему спутнику: «Глянь-ка, местечко здесь недурно, здесь могли бы мы ягненок сварить и съесть». – «Пожалуй, – отвечал Святой Петр, – но только варить я не мастер; вари, коли хочешь, вот тебе и котел; а я тем временем похожу, пока ягненок сварится. Но только ты не принимайся за еду прежде моего возвращения; я уж приду вовремя». – «Ступай, ступай! – сказал Весельчак. – Я готовить умею и уж справлюсь с делом».

Святой Петр ушел, а Весельчак зарезал ягненка, положил мясо в котел и стал варить. Вот ягненок-то уж и сварился, а спутника все нет; тогда Весельчак вынул ягненка из котла, взрезал его и нашел внутри него сердце. «Это, верно, самый лакомый кусочек в нем», – сказал он и сначала только отведал его немного, а затем и все целиком съел.

Наконец и Святой Петр вернулся и сказал: «Ты хоть всего ягненка можешь съесть, а мне дай только одно сердце».

Весельчак взял и нож, и вилку в руки и давай преусердно искать среди кусков ягнятины, и сделал вид, что не может никак отыскать сердце; наконец процедил сквозь зубы: «Да его тут вовсе и нет». – «Что же это значит?» – спросил Святой Петр. «Право, не знаю, – сказал Весельчак, – а впрочем, что же мы оба за дураки! Ищем сердце ягненка, а ни одному из нас и в голову не приходит, что у ягненка сердца нет!» – «Ну, это что-то новое! У каждого животного есть сердце; почему бы могло не

быть его у ягненка?» – «Нет, нет, взаправду, брат! Ты только сообрази, так сейчас поймешь, что у него в самом деле сердца не имеется!» – «Ну, пусть будет так! – сказал Святой Петр. – Коли сердца нет, так мне и ягненок не нужен; можешь его есть один». – «Чего не съем, то захвачу с собою в ранец на дорогу», – сказал Весельчак, съел пол-ягненка и сунул остальное в свой ранец.

Пошли они далее, и по воле Святого Петра широкая река перерезала им дорогу, а им надо было через нее непременно перейти. Вот Святой Петр и сказал: «Ступай ты вперед». – «Нет, – отвечал Весельчак, – лучше ты вперед ступай». А сам подумал: «Если окажется глубоко, так я лучше на берегу останусь». Пошел Святой Петр в воду, и вода достигала ему только по колено. Задумал и Весельчак переходить, а вода-то прибыла и была ему по горло.

И стал он кричать: «Брат, помоги!» А Святой Петр сказал: «Признайся мне, что съел сердце ягненка». – «Нет, – отвечал тот, – не ел я его».

А вода-то все прибывала и достигла уж до самых уст солдата. «Помоги мне, брат!» – крикнул он. «А признаешься ли ты мне, что съел сердце ягненка?» – «Нет, – отвечал солдат, – не ел я его».

Не хотелось Святому Петру, чтобы Весельчак потонул, он спустил воду и помог ему через нее перебраться.

Пошли они далее и пришли в такое царство, где королева была при смерти. Услышали об этом наши путники, и солдат сказал: «А что, брат, ведь это для нас пожива! Если мы ее вылечим, так, пожалуй, на весь век обеспечимся!» И показалось ему, что его спутник недостаточно проворно ворочается; и он давай его поторапливать: «Да ну же, голубчик, поворачивайся! А то, пожалуй, еще опоздаем!»

А Святой Петр нарочно замедлял и замедлял шаг, как ни торопил его товарищ, пока наконец они не прознали, что королева скончалась.

«Вот тебе и на! – сказал с досадою солдат. – А все оттого, что ты так плелся нога за ногу!» – «Помолчи лучше, – отвечал ему Святой Петр, – я ведь не только больных лечить умею, я и

мертвых могу вновь призывать к жизни». – «Да, вот если ты это умеешь делать, так оно мне на руку; только уж ты меньше половины королевства за оживление не бери!»

Затем они направились к королевскому замку, где все были погружены в великую печаль; там и сказал королю Святой Петр, что он берется оживить королевну.

Повели его к умершей королевне, и он сказал: «Принесите мне полнешенек котел воды», – и когда котел был принесен, он приказал всем выйти из комнаты, оставив при себе только одного Весельчака.

Затем он изрезал на куски все тело усопшей, побросал куски в котел, развел под ним огонь и стал их варить. И когда все мясо от костей отстало, он добыл из котла тонкие белые косточки, положил их на стол и собрал в обычном, естественном порядке.

Затем он стал перед столом и трижды произнес: «Усопшая, восстань!» И при третьем возгласении этих слов королевна поднялась живая, здоровая и прекрасная, как и прежде.

Король, конечно, несказанно обрадовался и сказал Святому Петру: «Требуй от меня награды, и если бы ты даже пожелал половину моего королевства, охотно отдал бы тебе!»

Но Святой Петр отвечал: «Я не желаю никакой награды». – «Экий дурень!» – подумал про себя солдат, толкнул товарища в бок и шепнул ему: «Да полно же тебе дурить! Коли тебе ничего не нужно, так я-то не прочь бы получить хоть что-нибудь».

Святой Петр ничего не пожелал; однако же король заметил, что его товарищ не так бескорыстен, и приказал своему казначею набить ранец солдата червонцами.

Пошли они далее, и когда дошли до леса. Святой Петр сказал Весельчаку: «Ну, теперь давай делить золото». – «Хорошо, – отвечал тот, – давай делить».

Разделил Святой Петр золото – и разделил на три части. «Что это он за затею опять затеял? – подумал солдат. – Нас всего двое, а он на три доли делит».

Разделив золото. Святой Петр сказал: «Я разделил на три доли очень верно – одна доля мне, одна тебе, а одна тому, кто сердце ягненка съел». – «0, а это я же его и съел, – поспешил ответить Весельчак и поскорее прибрал золото к рукам, – я

съел, уж ты поверь мне!» – «Может ли это быть? – продолжал Святой Петр. – Ведь ты же сам утверждал, что у ягненка вовсе сердца нет». – «Э, братец мой, мыслимое ли это дело? И у ягненка сердце есть, как у всякого животного... Почему бы у него сердцу не быть?» – «Ну, ладно же, – сказал Святой Петр, – возьми себе все золото, но я; уж не хочу долее быть твоим спутником, я пойду один своею дорогою». – «Как знаешь, голубчик, – сказал солдат, – на том и прощай».

И пошел Святой Петр другой дорогою, а Весельчак про себя подумал: «Оно и лучше, что он от меня отстал; а то он какой-то мудреный – чудодей, что ли?»

Кстати же, и денег у него теперь было довольно; но он не умел с ними обращаться, разбрасывал их, раздаривал и по прошествии некоторого времени опять остался ни с чем.

Вот и пришел он в одну страну, где, по слухам, королевна только что скончалась. «Вот оно что! – подумал он. – Ведь тут отличное дело может выгореть! Я ее оживлю, и уж, конечно, заставлю себе за это заплатить надлежащим образом».

Пошел к королю и предложил ему оживить усопшую. А до короля уже дошли такие слухи, что вот ходит по белу свету какой-то отставной солдат и оживляет усопших; он и подумал, что Весельчак и есть тот самый солдат.

Однако же, так как он не имел к нему доверия, то сначала посоветовался со своими советниками, и те сказали ему: «Отчего же не попробовать, ведь дочь-то твоя все равно уж скончалась».

Весельчак велел воды в котле принести, потом всех выслал из комнаты, разрезал тело усопшей на части, покидал их в котел, развел под ним огонь – все точно так же, как это его спутник делал.

Стала вода в котле закипать, и мясо от костей отставать; тогда выбрал он из котла кости и разложил их на столе; однако же он не знал, в каком порядке их следует составить, и все сложил шиворот-навыворот.

Потом стал перед столом и сказал: «Усопшая, восстань!» – и трижды повторил, а кости и не двигались.

Он и еще трижды повторил те же слова – и тоже безрезультатно. «Да ну же, вставай, поднимайся, сударыня, – крикнул он

наконец, – не то худо будет!»

Чуть только он это произнес, как Святой Петр, по-прежнему в образе отставного солдата, явился к нему, проникнув в комнату через окно, и сказал: «Ах ты, безбожный человек! Как осмеливаешься ты приниматься за это дело, не разумея даже того, что усопшая не может восстать из мертвых, когда ты так перепутал все ее кости?» – «Голубчик, да я сделал, как умел!» – взмолился солдат. «На этот раз еще я тебя выручу из беды, но предупреждаю тебя, что если ты осмелишься еще раз что-нибудь подобное предпринять, то тебя постигнет великое несчастье... Сверх того, не смей от короля ни требовать, ни принимать никакой, даже самой ничтожной награды». Затем Святой Петр сложил кости королевы в настоящий порядок, произнес трижды: «Усопшая, восстань!» – и королева поднялась здоровая и прекрасная, как и прежде.

А Святой Петр как пришел, так и удалился через окно; и Весельчак, довольный-предовольный тем, что все так хорошо у него с рук сошло, горевал только о том, что ему нельзя было получить никакой награды.

«Желал бы я знать, что у него такое в голове сидит, – подумал солдат, – ведь то, что он одною рукою дает, то другою отнимает, а в этом просто смысла нет!» Стал король Весельчаку предлагать, что он желает, но тот ничего не смел взять открыто, однако же разными намеками и хитростью довел до того, что король приказал наполнить ему ранец золотом, – с тем он и ушел.

Когда он вышел из замка, у ворот стоял Святой Петр и сказал ему: «Видишь, какой ты человек? Ведь я же тебе запретил брать что бы то ни было, а у тебя вон ранец полнехонек золота!» – «Да что же я буду делать, – возразил солдат, – когда мне его туда насильно напихали?» – «Ну, так я же говорю тебе, чтобы ты во второй раз не смел ничего подобного делать, а не то тебе худо будет». – «Э, брат! Не тревожься; теперь у меня золота вдоволь; стану ли я еще возиться с обмыванием косточек». – «Да, как же! – сказал Святой Петр. – Думаешь, надолго тебе золота хватит? Ну, а чтобы ты опять не задумал выступить на запретную дорогу, я наделю твой ранец таким свойством, что

чего бы ты ни пожелал, все у тебя тотчас в нем очутится. Прощай, больше уже мы с тобой не увидимся». – «С Богом!» – сказал солдат, а сам подумал: «Я и рад, что ты уходишь, чудак ты этакий! Я за тобой вслед не пойду!» В ту пору он и не подумал о чудесной силе, которая дана его ранцу.

Пошел Весельчак по белу свету и разметал свое золото как в первый раз. Наконец остался при четырех крейцерах, и случилось (ему идти мимо гостиницы; он и подумал: «Надо от денег отделаться», – и приказал дать на три крейцера вина и на крейцер хлеба.

Когда он, сидя там, допивал свое вино, он вдруг почуял запах жареного гуся. Стал Весельчак посматривать и поглядывать и увидел, что в печной трубе у хозяина поставлено два гуся. Тут только вспомнил он о чудесном свойстве своего ранца и решился испытать его на этих гусях.

И вот, выходя из дома и переступая порог, он сказал: «Желаю, чтобы жареные гуси из трубы очутились в моем ранце». Как только он это сказал, вскрыл ранец, заглянул в него – там они и есть! «Вот это ладно! – сказал он. – Теперь могу жить без заботы!» – вышел на лужок и вытащил из ранца жаркое. Ел он, ел в свое удовольствие и видит – подходят к нему какие-то подмастерья и смотрят на второго, непчатого гуся жадными завистливыми глазами. Весельчак и подумал: «Мне одного довольно», – подозвал обоих ребят и отдал им второго гуся, сказав: «Ешьте за мое здоровье!»

Те его поблагодарили, понесли гуся в гостиницу, приказали подать себе полбутылки вина и хлеба, вытащили гуся и принялись за него.

Хозяйка пригляделась к ним, да и говорит мужу: «Эти двое едят гуся; загляни-ка ты в трубу, не из наших ли гусей этот гусь?» Заглянул хозяин в трубу и видит – пусто. «Ах вы, воровская челядь, вы задумали гусем задаром полакомиться! Сейчас платите, не то попотчую вас березовой кашей!» – «Какие же мы воры? – взмолились подмастерья. – Нам этого гуся подарил там на лугу отставной солдат». – «Что вы мне зубы заговариваете! Солдат здесь, точно, был, но честным гостем в двери ушел, и я за ним следил; а вы-то настоящие воры и есть, и вы должны мне

за гуся заплатить». Но так как заплатить они не могли, то он взялся за палку и выгнал их из гостиницы.

Между тем Весельчак шел да шел своей дорогой и пришел к местечку, где около богатого замка стояла дрянная гостиница. Стал он проситься в гостиницу ночевать, но хозяин отказал, сказав: «Нет для тебя места; гостиница полнешенька знатных гостей». – «Дивлюсь я этому, – сказал Весельчак, – почему все останавливаются у вас, а не в этом прекрасном замке?» – «Да, чего-нибудь да стоит в нем ночь проспять, – сказал хозяин, – кто там ночевать пытался, тот жив оттуда не возвращался». – «Коли другие пытались, – сказал Весельчак, – так отчего же и мне не попытаться?» – «Пустое, брось, – сказал хозяин, – ведь за это шкурой поплатишься». – «Ну, не сейчас же шкурой; дайте мне только ключи от замка, да хорошенько поесть и выпить».

Дал ему хозяин ключи, дал и еду, и выпивку, и затем Весельчак ушел в замок, плотно поужинал, и когда стало клонить его ко сну, растянулся там на полу, потому что кровати не оказалось.

Вскоре он и заснул, но среди ночи пробужден был страшным шумом, и когда протер глаза, то увидел в своей комнате девять отвратительных бесов, которые плясали около него хороводом. «Ну, что ж, – сказал Весельчак, – пляшите, пожалуй, сколько хотите, но только чтобы ни один не смел ко мне близко подойти». Но бесы напирали на него все ближе и ближе и почти касались его лица ногами в своей бешеной пляске. «Смирно вы, черти!» – крикнул солдат; но они все по-прежнему лезли к нему. Тут Весельчак рассердился, крикнул: «Я вас живо уйму!» – отломил ножку от стула, да и давай их колотить.

Однако же девяти бесов на одного солдата было слишком много, и в то время, когда он бросался на передних, задние таскали его за волосы и трепали безжалостно. «Постойте уж, чертовы дети! Я с вами справлюсь! – крикнул солдат. – Полезайте все девятеро ко мне в ранец!»

И мигом все очутились в ранце, который он затянул на все пряжки и швырнул в угол.

Тогда все вдруг затихло, и Весельчак улегся по-прежнему и проспал до бела дня.

Тут пришел хозяин гостиницы с владельцем замка и захотели

взглянуть, что с ним случилось.

Когда они увидели его живым и здоровым, они удивились и спросили: «Разве вам духи здешние никакого вреда не причинили?» – «Пытались было, – отвечал солдат, – но я их всех забил в свой ранец. Вы можете преспокойно вновь поселиться в вашем замке, ни один не придет более вас тревожить».

Владелец замка поблагодарил его, щедро одарил и оставлял его у себя на службе, обещая обеспечить на всю жизнь. «Нет, – сказал солдат, – я привык бродить по белу свету и пойду далее».

И точно, ушел, пришел в кузницу и, положив ранец на наковальню, попросил кузнеца и его помощников приударить по ранцу молотами. Те принялись бить по ранцу своими огромными молотами, да с такою силою, что бесы подняли жалобный вой.

Когда он после этого ранец вскрыл, то оказалось, что из девяти бесов восемь уже околели, а девятый, которому удалось забраться в складку ранца и остаться в живых, выскользнул из ранца и тотчас ускользнул в преисподнюю.

И после этого еще много лет сряду скитался Весельчак по белу свету, и кто бы знал, тот бы много о нем рассказал.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...